

The image is a full-page background illustration. It depicts a man in the foreground, seen from the chest up, wearing a dark, hooded jacket that is wet with rain. He is looking back over his right shoulder towards a group of soldiers in the distance. The soldiers are wearing tactical gear and helmets, and are holding rifles. They are standing in a line on a wet, reflective street. The background is a futuristic city street at night, with tall buildings and glowing neon signs in various colors (pink, blue, yellow). The overall atmosphere is gritty and cinematic.

Алексей Каменский

Воин

Тени прошлого

Алексей Каменский

Воин: Тени прошлого

2025

Каменский А.

Воин: Тени прошлого / А. Каменский — 2025

Вы когда-нибудь задумывались о том, что Вас может настигнуть Ваше собственное прошлое? Герой этой книги был в этом уверен. Он постарался убежать как можно дальше, но события его «прошлой» жизни все равно настигли его. Смерть и Мрак накинули на него свои сети и неумолимо потянули за собой в небытие. Туда, где началась жизнь ветерана спецназа ГРУ и туда, где она может оборваться навсегда...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Каменский

Воин: Тени прошлого

Пролог

Одиночество...

Одиночество – словно тень неминуемой смерти протягивала ко мне руки с самого детства. Поначалу засекреченный, а потом никому не нужный советский «почтовый ящик» был мне единственным домом. Домом, который я ненавидел больше всего. Ненависть за то, что я с самого детства почти не видел своего отца, работавшего в НИИ этого проклятого города. Мать, естественно, стала для меня наиболее близким человеком. Человеком, который дал мне очень многое...

И был еще Мансур. Мой самый лучший друг. И единственный... Именно благодаря ему я выжил в тот роковой день...

.....

– Никита Сергеевич, что-то случилось? – с напускным беспокойством, спросил высокий худой человек в очках, сидевшего, по ту сторону шикарного стола, своего начальника. Лицо его было подобно черной грозовой тучи.

– А?.. Чего?.. Тыфу на тебя, Мишка! – вздрогнув, прошипел на зама чиновник.

– Извините, Никита Сергеевич! Но вы последнее время какой-то странный, дерганный какой-то! – пробормотал зам.

– Какой наблюдательный! Аж противно становится, честное слово! – поморщился Никита Сергеевич. – Раз ты такой умный, то скажи мне, ты, именно ты, тот, которого я могу назвать правой рукой, знаешь, что надвигается на нас. На всю нашу администрацию? – вскочил с места чиновник и уперся руками в стол пристально сверля помощника взглядом.

Открывшего было рот заместителя, начальник немедленно осек:

– Молчи! Ради всего святого! Молчи! – и бессильно упав в кресло и сцепив пальцы обеих рук, Никита Сергеевич возложил их на стол. – А творится вот что, дорогой ты мой человек. К нам, как говорится «едет ревизор»!

Михаил, изменившись в лице, с тревогой взглянул на начальника.

– Вот ведь падла! Но ведь мы же ему заплатили! Он обещал защиту, ну по крайней мере неприкасаемость от них! – торопливо проговорил зам, с недоумением вглядываясь в глаза Никиты Сергеевича.

– Да не сверли взглядом, блин! Сам знаю и не понимаю! Видать сам сторел. Или мало заплатил стоящему выше! Все, прекрати! У нас другая сейчас проблема! – рыкнул чиновник, смотря под стол. – Я смог подчистить за нами немного... Но исчезновение 10 миллионов скрыть не удастся.

С этими словами, Никита Сергеевич поднял взгляд на Михаила. Зам сидел серьезный и немного отрешенный. «Думает. Вот за что он мне нравится особо – он сразу начинает думать. Не бьется в истерику, как предыдущий заместитель, не надеется свалить все на меня, как на крайнего. Знает, что все равно утащу с собой на дно. Молодец...»

– Дайте мне 4 часа, Никита Сергеевич. Есть одна мыслишка... – подняв отсутствующий взгляд на начальника, произнес Михаил.

– Хорошо. 4 часа, не больше. Потом сразу ко мне.

Михаил кивнул и, не прощаясь, быстрым шагом удалился к себе в кабинет. Никита Сергеевич облегченно выдохнул. Раз у Михаила что – то в голове есть, то значит не все потеряно. Последняя надежда только на него!

.....
– Да Миша! Хорошо, я понял! Сделаю! – произнес в трубку полковник МВД Лемешов Игорь Петрович.

Положив одну трубку, он быстро взял другую и сухо произнес в нее:

– Дежурный? Чтоб через 3 часа три патрульные машины и отряд ОМОНа был под окнами администрации. Нужно сопровождение. Все понял? Выполняй! – выпалив приказ, полковник положил трубку на телефон и отер лицо рукой. «Ну и запросы у этих чинуш, что б их... И нахрена им этот заброшенный «почтовый ящик»? Своих проблем мало? Решили прошлое копнуть? Эх, не к добру все это приведет, эх, не к добру...»

.....
Сверкающий на солнце Мерседес вез своих пассажиров прямехонько к старому засекреченному советскому объекту, покинутому военными около тридцати лет назад.

– Миш, ты уверен, что это хорошая идея? – с некоторым беспокойством вопрошал своего заместителя Никита Сергеевич.

– Обижаете, ей богу обижаете Ни... – открыл было рот зам, как его прервали:

– Ох, какие мы обидчивые! – язвительно взмахнул руками чиновник, – Обижаться будешь тогда, когда нам браслеты на руки оденут люди в форме, подобные тем, что сейчас за нами едут.

Михаил машинально бросил взгляд себе за спину. Их машину сопровождало несколько машин милиции, главной из которых был старенький ПАЗик, в котором сидело человек тридцать ОМОНовцев вооруженных по всем правилам.

Вы зря беспокоитесь, Никита Сергеевич, – ледяным голосом проговорил заместитель – у меня все под контролем. Моя задумка обеспечит нам стопроцентное прикрытие.

Чиновник искоса глянул на зама и похолодел. На лице Михаила красовалась самая что ни на есть садистская улыбка.

Глава 1

– Манцур! Манцур! – надрывался криком молодой майор ГРУ. – МАНЦУР! Троп!

После этого старший лейтенант Черногаев Манцур Исаакович наконец-то соизволил обернуться. Его раскосые миндалевидные глаза насмешливо смерили новоиспеченного майора презрительным взглядом. «Ох, не за службу, не за службу, дали ему майора. Ведь знает у кого и как лизнуть, шельма!» – подумал про себя Троп.

– Чего тебе, о тупоголовый отпрыск северных медведей? – выкрикнул Манцур.

Сказать, что майор побагровел, значит не сказать ничего. Он превратился в подобие надувных кукол, только без интимной подоплеки. И при этом процент воздуха в его организме рос с очень высокой прогрессией! В этот же момент из здания командования выглянул командир Манцура, старый вояка, полковник Шишков Лев Николаевич. Правильно оценив обстановку, он цикнул на превратившегося в подобие колобка, майора и ругнувшись на Тропа, велел второму пройти в штаб.

– Ты свой гонор засунь поглубже в ж... – начал было полковник, но был тут же оборван Манцуром.

– Если он придурок, то я при чем?

– Замолкни щенок! – быстро вскипел Шишков. – Пусть хоть он будет чебурашкой в фуражке, козлом в кителе, но он майор! Ясно тебе? МАЙОР!

– Да хоть дракон с автоматом...

– Цыц, зеленка, мать твою! А ну, шшел быстрее и прямее! – рыкнул на Тропа полковник.

Войдя в кабинет генерала Сивушева, Манцур вытянулся и встал по стойке «Смирно!». Немолодой генерал окинул его прицельным взглядом, словно рублем одарил. У Манцура даже вдоль спины просквозило холодным ветерком. Сколько он помнил себя на службе в спецназе ГРУ, а трепет перед генералом как был с первого дня, так и остался и даже усилился после ухода Дира...

Из горестных воспоминаний его вырвал скрипучий голос Сивушова:

– Здорова Манцур. Проходи, садись. А вы, полковник, можете пока попить чая и желательно за дверью, – кивнув на Шишкова на дверь, поднялся из-за своего стола генерал. Был он крепок, хоть и приземист. «Таких кажется в старину называли – кряжистыми.» – припомнил Манцур.

Проследив взглядом своих карих глаз за закрывающейся за полковником дверью, генерал продолжил:

– Буду короток, сынок... – после этих слов Троп вздрогнул всем телом, но вида не подал и постарался сидеть таким же невозмутимым, как до этого. Но не мог.

Если генерал назвал его «сынок», то дело вырисовывалось, то ли очень крупное, то ли очень гадкое.

– ... на нашей земле пропали местные чинуши. Не слишком мелкие, но и не шибко крупные. В центре были озабочены этим исчезновением, так как к пропавшим без вести ехала комиссия антикоррупционного комитета. А это сам понимаешь – не хухры мухры! Думаю подробности их разбирательств с делами пропавших тебе до балды, поэтому перехожу к сути. Комиссия хочет найти пропавших или беглецов, потому что бежали почти все действующие в этом деле фигуранты. Твоя задача: со своей группой выдвинутся к объекту, куда двинулись наши пропащие и разведать обстановку и при хорошем раскладе выдать найденнейшей той самой комиссии. Живыми или же мертвыми. Вопросы есть? – на этом выписывающий круги вокруг стола, генерал остановился напротив бойца и вперился взглядом своих карих глаз прямо в лицо Манцура.

После слова «мертвых», сердце Тропа забилося чаще. Тон генерала само собой ничего не выражал, но формулировка фразы заставила лейтенанта поднять взор на генерала и встретить его жесткий взгляд.

– Почему мы, товарищ генерал? У этих «антикорруптников» своих псов что ли нет? Или мы крайние? – задал первый вопрос Манцур.

– Нет, не крайние. Своим они не доверяют. Почему – не знаю, не спрашивал. И вообще – это приказ. Который я обсуждать не собираюсь, но твои сомнения мне понятны. Еще вопросы?

– Да-да! Еще один... нет... даже два. Куда летим и почему мертвыми? Они потравятся все или диарея всех сомнет? – спросил Троп, ехидно делая ударение на последней фразе.

– Нет, не потравятся и поносом не изойдут, – нахмутив брови, выдавил Сивушов. – А выдвигаетесь вы не на вертолетах, а на замаскированной технике в Архангельск – 79.

Манцур застыл. Бледность покрыла его загорелое лицо, а сердце начало колотиться реже и реже. Архангельск – 79... Советский «почтовый ящик»... Город... Их с Диром город...

...Около машин маскировки уже толпились его бойцы. Манцур шел к ним уверенной походкой неоспариваемого лидера. Плечо приятно оттягивала тяжесть автомата, придавая бойцу уверенности. Левый кирзач немного жал ногу, но не слишком сильно, что бы задерживаться из-за этого хоть на минуту. Цепкий взгляд Тропа сразу же выхватил из группы бойцов незнакомого хмыря с рожей заядлого гэбиста. Такой наглой и самодовольной морды, а по другому назвать ее Манцур просто не мог, он не видел лет 5, а то и больше. Там где служил Черногоаев, такие как этот хмырь долго не задерживались. Их либо быстро убивали, либо отзывали обратно, на «Большую Землю», так сказать.

Неожиданно из утренних сумерек, справа от Манцура, появился Лев Николаевич.

– Ну, вы... – начал было Троп.

– Петровский Оскар Григорьевич, подполковник ФСБ, – без предисловий начал полковник, не сводя взгляда с группки военных. – Послан вместе с вами наблюдателем.

И мельком глянув на Тропа сразу заметил:

– Расслабься и молчи. Никуда его послать не получится – это приказ командования!

– Невозможность послания – приказ? – съехидничал лейтенант.

Еще раз окинув Манцура взглядом и услышав его хохму, Шишков скривился и еще больше ускорив шаг скрылся в едва проглядных сумерках прохладного утра.

– Все по машинам! – подойдя к машинам, выкрикнул Манцур. – Готовность 5 минут.

Его группа споро, но без спешки начала посадку в автомобили. Гэбист же не торопясь, в развалочку, подошел к Тропу. На вид этому Петровскому было лет 35, был он хоть и мал ростом, но широк в плечах и в движениях его, сквозь вуаль медлительности, проскальзывала чисто звериная грация и настороженность.

– Подполков... – едва открыв рот, Оскар Григорьевич вынужден был его закрыть, потому что, Манцур легко ухватив его за горло, развернул и приложив как следует спиной о машину, прижал так, что подполковник мог лишь тихонько приглушенно хрипеть.

– Слушай меня внимательно, хрен моржовый! Мне плевать на то, кто ты, что ты и кто твои родители и начальники! Будешь мне мешать – пристрелю, как загнанную лошадь и спишу все на диких собак! Ферштейнешь, пугало огородное?

Посмотрев налитыми кровью глазами в взбешенное лицо Манцура, подполковник как мог кивнул и, отчаянно хрипя, выдавил из зажатого горла:

– Ферштейню... ферштейню... как скажешь...

Удовлетворенно кивнув, Троп разжал свои смертоносные пальцы, выпустив шею своей жертвы. Садясь в машину, Черногоаев отчетливо слышал бормотание гэбиста, который клялся всем чем мог, что «сотрет это чмо в лагерную пыль». Закрывая дверь, Манцур ухмылялся. Все началось так, как надо. Осмотрев напоследок оставляемую за стенами машины местность, он заметил что-то в начинавших рассеиваться сумерках. Захлопнув дверь и сев на свое место,

Манцур мог бы поклясться, что видел своего командира. Раньше старик себе такого не позволял. Был всегда в тени и учил этому своих учеников. Но сейчас он показался. Показался лишь для того, что бы улыбнуться в след своему выкормышу. Значит он, Манцур, сделал все правильно! Полковник одобряет!!!

До города было еще километров 10. Неожиданно пять бойцов попросили остановиться. Плохо себя почувствовали. Странная тошнота подступила к горлу. Вместе с ними из машины вышел и Манцур. Метрах в десяти от дороги сразу начинался лес. Прохладный весенний воздух ворвался в легкие Тропа, словно ясный луч солнца прорвавший, наконец, бесконечную вереницу хмурых туч. Нет, Троп не чувствовал ничего особенного, и тошнить, его не тошнило, но что-то все равно тревожило сознание. Словно он слышит далекий крик, слышит голос, но слов разобрать не может. Манцур потер виски, пытаясь снять напряжение, но тревога не отступала. Нутро словно засунули в морозилку. Противный холодный пот скользил вдоль позвоночника, постепенно впитываясь в одежду и холодя спину. Противная головная боль заняла в районе затылка и медленно переползала на лоб. Троп впервые за долгое время почувал страх. Но не страх смерти, его ему приходилось чувствовать почти все время. Этот страх был иным. Страх встречи с прошлым, панический страх, который, словно сверло, вгрызался в череп и пролезал все глубже в мозг.

Манцур попытался отвлечься от ощущений боли и неведомого страха. Медленно поведя головой из стороны в сторону, он осмотрел, насколько хватало глаз, лес. Могучие, непоколебимые статуи мощи и жизни тянулись по обе стороны от дороги. Все пятеро бойцов уже приносили себя в порядок, начинали рассаживаться по местам.

Вдруг внимание Манцура привлекло белое пятно в лесу, почти на грани видимости. Ничего еще толком не понимая, Троп, словно во сне, двинулся по направлению к этому пятну. Из машины показалась голова молоденького сержанта Васюка:

– Командир! Ты чего? Ехать пора! Не укладываемся в график! Эй, Троп!? – удивленно произнес паренек, глядя как его командир, не слыша ни единого слова, словно зачарованный двигается по направлению к лесу.

Манцур и правда не слышал. Белое пятно вдруг стало его целью, навязчивой идеей. Троп ускорил шаг. На миг ему показалось, что это не пятно, а его мать в белом-белом платье. Боец перешел на бег, видя, как пятно медленно отдаляется от него. Через минуту Манцур ощущал себя мчащимся через лес на всех скоростях, которые только были ему подвластны. Белое пятно медленно, но неуклонно приближалось, Троп уже видел спину женщины, ее длинные, лежащие на плечах, темно-каштановые волосы. Он догнал ее, взялся за плечо, начал разворачивать лицом к себе.

– Мама...

Страшное, уродливое лицо с дряблой кожей, черными провалами глаз, от которых, словно трещины, отходили черные морщины, вперилося в лицо Манцура нечеловеческим взглядом. Дикий страх заставил бойца отшатнуться, но вцепившееся в его одежду существо не отпустило, а только оскалив непропорционально длинные зубы, потянулось следом. Троп с ужасом понял, что падает. Почувствовал, как маленькие веточки, словно острия ножей впились в спину, а сверху рухнуло, роняя черные, отвратительные слюни, человекообразное существо и...

...Манцур открыл глаза. Он лежал на обочине, на расстеленном на земле маскхалате, а над ним склонилось сразу шесть лиц. Одним из них, к вялому удивлению Тропа, являлся гэбист, смотря на Манцура неподдельными насмешливо-беспокойными глазами.

– Очухался? – быстро спросил Петровский, – Вот и славно. А то уж хоронить хотели.

Троп был не в состоянии реагировать на такую, весьма плохую, хохму, а потому вперившись глазами в сержанта Васюка, слабым, но уже властным голосом, спросил:

– Что случилось?

– Товарищ старший лейтенант, вы... э... ну... – замялся паренек.

– Да говори, как есть не тяни кота за... – начал было другой боец, но был оборван Манцуром.

– Отставить! Не тебя, Ибрагим, спрашиваю! Отвечай, Васюк! Время дорого!

– А нечего говорить, – поднялся с колен Петровский. – Ты как лось в весенний гон, ринулся в лес, словно тебе там медом намазано было. Мы тебе орали – орали, а потом за тобой кинулись. Полчаса искали и нашли, слава Дяде Васе, лежащим в отключке...

Гэбист умолк и отвернулся в другую, от взгляда Тропа, сторону. Манцур, ничего толком не поняв, уставился в спину Петровского долгим тяжелым взглядом замутненных, но уже трезвеющих глаз.

– И? – наконец выдавил из себя Черногаев.

– Зад подотри! – огрызнулся Оскар Григорьевич, – Лежал ты здесь! У машины! Прислонившись спиной к боку автомобиля!

Манкура осыпало холодом. Он наконец-то смог подняться с земли. Почти сразу же повело в сторону, голова кружилась безумно, но ребята придержали в вертикальном положении, отвели в машину, без спешки погрузились и опять двинулись в сторону города. Быстро пришедший в себя Манцур приказал больше не останавливаться и, тряхнув головой, посмотрел на сидящего напротив него Петровского.

– Спасибо, – после минутной паузы, сказал Троп.

– Не за что, на здоровье, – буркнул в ответ подполковник, решив для себя не играть с лейтенантом в дурочка.

– Ты уж извини за...

– Проехали, – поморщившись, сказал Петровский. – Все я знаю и понимаю. Не любят нас сильно. Особенно в вашем управлении. Но за горло, действительно зря.

Подняв друг на друга глаза и внимательно посмотрев в них, бойцы улыбнулись и дальнейший путь стал уже не таким напряженным для всех бойцов спецназа.

Глава 2

23 часа 14 минут спустя. Штаб командования частями спецназа ГРУ. Кабинет генерала Сивушева С. Н.

– Вызывали? – бодро спросил, заглянувший в кабинет, полковник Шишков своего командира.

– Вызывал, Лев, вызывал, – тяжело вздохнув, прогудел Сивушов. – Проходи, присаживайся.

Последние слова, вышедшие из горла генерала, были воистину сродни хрипу какого-нибудь чахоточного больного. Пока полковник закрывал дверь, проходил, садился, генерал встал из-за стола, вынул из сейфа бутылку коньяка и налил себе полный граненый стакан, молча ткнул бутылкой в Шишкова. Лев Николаевич, так же молча, отрицательно покачал головой, а махнувший на него рукой, Степан Никифорович, залпом выпил весь стакан без закуски и без занюхивания. Обалдевший окончательно после такого представления, Шишков, начал анализировать действия генерала, но найти хоть какие-нибудь ниточки у себя в мозгу, так и не смог. Все у них в управлении шло более-менее нормально. Группа Манцура должна вернуться только завтра, а другие группы вроде на своих местах.

– Хреновы наши дела, Левушка! Ой как хреновы! Мы в полной ж... – сев на свое место и упершись локтями в стол, генерал обхватил голову руками.

– Так, товарищ генерал! Давай не будем выходить за рамки и переходить на великий и могучий! Рассказывай Саня, что случилось? – подавшись вперед и облокотившись правой рукой об генеральский стол, быстро спросил полковник.

Взглянув на старого друга через пальцы, подпиравшие его немолодое лицо, Сивушов негромко пробасил:

– Группа Манцура – пропала!

– Как пропала? Но ведь они должны были вернуться на базу только завтра! – горячо выпалил Шишков. – Только завтра!

– Да-да! Только завтра! Но на связь они не вышли уже сегодня! Мои помощники уже 4 часа с радистами около раций стоят, пытаюсь докричаться до группы Черногаева. Безрезультатно! – последние слова генерал произнес ходя назад – вперед по кабинету.

– Вот ведь чертовщина! – задумчиво произнес полковник. – Ну а может у них проблемы с рациями?

– Ага, прям у всех и сразу, – саркастически выдохнул Сивушов. – и аварийные кнопки, и GPS-маячки и антенны в заднице! Все сразу вырубилось, как только они присели поесть, ведь мы же их на пикничок отправили!!!

Последние слова начальник штаба командования изрыгал из себя с такой силой и мощью, что весь кабинет буквально содрогался от вибрации его голоса. Звенело стекло в окнах, дрожал графин с водой, а стакан так и вовсе подпрыгивал, медленно приближаясь к краю стола. В последний момент полковник смог тактично ухватить его и поставить на середину стола.

– И что же теперь делать? – хмуро поинтересовался полковник у генерала.

– Понятия не имею, – ответил Сивушов, без сил падая в свое кресло. – Впервые в жизни не знаю, что делать!

– Но делать что – то надо, – произнес Шишков, медленно погружаясь в раздумья, но мысли, словно тараканы, испугавшиеся внезапно включившегося света, рассыпались в стороны, не давая не то, что ухватить, а просто догнать себя.

– Да что Вы говорите, товарищ полковник! – опять пустив в ход сарказм, прошипел Сивушов. – А я уже хотел идти вешаться с горя, но Вы спасли меня от мук душевных, найдя такой славный выход из этой ситуации!

– Этот стакан был не первый, – скорее утверждая, чем спрашивая, сказал Шишков. – и Вы, товарищ генерал, что-то как-то быстро впали в плохо скрываемую истерику, с признаками нарождающейся паники! В чем дело? Объясните!

– Ага, уже разбежался рассказывать! Перебьёшься! – брюзгливо сморщив лицо, произнес генерал.

– Это из-за города? Этого «почтового ящика»? Или клиенты, которых надо было найти, были слишком крутые? Почему послали именно группу Манцура? Что произошло в том городе почти 40 лет назад? – не дав Сивушову прийти в себя, завалил его вопросами Лев Николаевич.

– Да все потому же, почему Троп до сих пор в лейтенантах ходит! Все потому же! – быстро выпалил, начинающий трезветь, Александр Дмитриевич. – И не смей орать на меня, полкан недоделанный! Я не посмотрю, что мы с тобой старые друзья!

Во время этой тирады генерала, старые вояки, словно молодые петухи готовые к бою, начали привставать со своих мест. Когда воздух в легких Сивушова закончился, и он немного выдвинул тело по направлению к полковнику, Шишков, от всей своей необъятной славянской души, дал старому другу звонкую пощечину, потом еще и еще, пока генерал не рухнул обратно в кресло с вытаращенными глазами и ярко-красными щеками. Шишков знал, что он делает и зачем. Он видел такое много раз и сам применял не единожды. Старый вояка стоял, опершись на стол, и смотрел на своего лучшего друга, Саньку, который спасал его много раз в горячем тогда Афганистане (да он и сейчас не особо холодный), которого и он, Левка Шишков, не раз вытаскивал из крошечного ада проклятой богом земли наркотиков и моджахедов. Смотрел на человека, который не бросил его, своего друга, после развала Союза, как это сделало правительство со многими преданными ему офицерами, с которыми служил Шишков. Просто стоял и смотрел, смотрел на его побитое войной и жизнью, которая немного не дотягивает до войны, лицо. На осунувшееся лицо, на котором шрамы перемешались с морщинами, а из-под двух, словно мшистых горных массивов, выглядывают глаза. Очень печальные глаза разбитого жизнью человека, который, словно Атлант, держит на себе великую тяжесть ответственности. И он очень устал. Смертельно устал...

Сивушов мельком глянул на Шишкова, но выдержать взгляд второго, не смог. Опустил глаза, вместе с головой на грудь и... зарыдал. Тяжелые рыдания рвались наружу, распирая грудь генерала. Слезы текли градом, и старый вояка их не стеснялся. Не перед кем было. Напротив стоял друг, а не чужой человек. Шишков, обойдя стол, с легкостью поднял с кресла Сивушова, и прижал к своей груди. Генерал, который и забыл уже, когда плакал в последний раз, вцепился в полковника и заплакал еще сильнее. Сквозь стоны и вздрагивания, Лев Николаевич слышал неотчетливые слова старого друга:

– Люди бежали... крики... стрельба... страшно... кошмары... – услышав только это и ничего так и не поняв, Лев Николаевич решил действовать по – другому.

Страхнув и у себя, неприсущую ему, слезу жалости, полковник усадил Сивушова обратно в кресло. Налил, в спасенный им ранее стакан, воды и безжалостно вылил его на голову генералу. Пока Сивушов пытался судорожно вдохнуть, быстро налил второй стакан и выплеснул его уже в лицо генералу, от которого старый друг был вынужден руки убрать и схватить ими свою мокрую голову. Окончательным ходом Шишкова был третий стакан, край которого он просто воткнул в рот генерала и заставил его выпить все до конца, пока тот пытался протереть руками глаза. Почти успокоившийся и прокашлявшийся после этого, Александр Дмитриевич, цветисто выразил свое мнение о предках Шишкова, уделяя особое внимание матери своего подчиненного. Удовлетворенно кивнув, полковник опять присел за стол напротив генерала и прямо спросил:

– Теперь мне нужны ответы! Расскажешь все сейчас? Или как? – пронзительно взглянув в заплаканные глаза начальника, спросил его Шишков.

– Разбежался! От ведь какой приткай! Имей терпение, Лев, – спокойной произнес генерал, вытирая носовым платком лицо, уже почти восстановив дыхание и свой начальственный голос. – А ты все-таки молодец! В тебе умер психолог.

– Аминь, – глухо буркнул Лев Николаевич. – Ладно, я пока отлучусь, а ты подготовься. Я хочу знать все!

Сивушов Александр Дмитриевич молча кивнул, но в след Шишкова все же раздалось грохочуще:

– А ты, вообще куда намылился-то?

– Искать концы Дира, – не оборачиваясь, сказал, закрывая за собой дверь, полковник. – Без него – Манцур – труп.

Генерал понимающе кивнул. «Лев как сквозь воду глядит. Сколько его знаю, а кажется, что не знаю вообще. Экстрасенс он, что ли» – подумал генерал и улыбнулся. Нет, конечно же нет! Он профессионал. И этим все сказано!

– Зойка, Зоинька, ну не вредничай, дай мне его личное дело! – надрываясь, сыпал угрозами Шишков, пытаясь растопить сердце подполковника Заевой Зои Алексеевны, начальника отдела кадров.

– Николаич, ты чо, глухой? Я тебе в сотый раз говорю – нет! Личное дело Дира засекречено и законсервировано! А я еще жить хочу и обязательно – на свободе! Понятно тебе? – была непреклонна, словно скала, женщина в погонах.

– Ну, тогда хотя бы намекни, куда же он делся и где обитает? Ну, Зоя, ну миленькая! Умоляю! – с этими слова, Шишков рухнул на колени, повинно снял фуражку и опустил взгляд в пол.

– Вот что ты делаешь, что... – начала было Заева, но потупилась и нехотя произнесла. – Ладно. Черт с тобой, пенек хоть и не трухлявый, но рассыпающийся. Пойдем со мной.

Быстро подхватившийся с колен Шишков, проследовал за Заевой в темные недра архива. Пока шли, полковник в юбке ни на минуту не прервала своего тихого ворчания, на тему «ну, вот! Опять попалась на трюк этого старого Бельмондо!». Почему именно Бельмондо, Лев Николаевич понять не мог. Вроде бы внешности он был всегда относительно нормальной. Не красавец, но и на Франкенштейна похож особо не был. Ох, женщины! Одно слово: бабы!

Подойдя, наконец, к внушительному на вид, сейфу, Заева обернулась и строго произнесла:

– Отвернись!

Шишков без промедления отвернулся. Лучше не нервировать эту женщину. Кто-кто, а она воистину может быстро перейти от дружбы к гневу и тогда только клочки от полковника и останутся. Мысли полковника прорвал суховато-деловой голос начальницы архива:

– Тундры Таймыра! Именно там обрываются его последние следы...

– Спасибо, Зоинька! – быстро выпалил полковник и, бросился уже было на выход, как властный женский голос остановил его:

– Да постой ты, торопыга пенсионного возраста! Вот возьми!

С этими словами полковник Заева протянула полковнику Шишкову толстую, очень толстую папку с грифом «совершенно секретно».

– Но... – открыл было рот Лев Николаевич.

– Тебе можно, Лева, – улыбнулась Зоя Алексеевна. – Но ты мой вечный должник.

– Как скажешь, красавица, – с этими словами Шишков, подскочив к женщине, чмокнул ее в щеку, схватил папку и, как молодой ринулся к выходу.

Улыбнувшись и слегка покраснев, Заева поправила выбившийся в сторону локон волос и стала закрывать сейф. А полковник Шишков мчался на всех парусах к вертолету. Он был уверен, что соответствующий приказ пилотам от генерала Сивушева уже поступил и надо потопляться. Время уходило слишком быстро!!!

.....

Манцур бежал. Панический, ни с чем несравнимый, страх подгонял его. Нет, глаза Тропу он застить еще не смог, да и вряд ли ему это бы удалось. Нервы у лейтенанта были стальными, но сейчас все шло из рук вон плохо. Отбросив ненужные в данный момент воспоминания, Манцур попытался сосредоточиться на реальном времени. Впереди из темноты подземелья неожиданно выпрыгнула стена с запертой, покрытой толстым слоем ржавчины, массивной стальной дверью с крутящимся замком – штурвалом. Налетев на нее плечом и проверив данным образом крепость двери, Троп попытался прокрутить штурвал, но все было тщетно. Последний раз его наверняка крутили лет 40 назад! Манцур осекся. «А ведь верно! Ровно 40 лет назад!» Тут до слуха Тропа донесли медленные шаркающие шаги. Он обернулся. Света его маленького карманного фонарика хватало только метров на пять едва освещенного пространства этого железобетонного гроба. Недолго думая, Манцур вынул из кармашков своей разгрузки две гранаты Ф–1 и злобно проорал в темноту:

– Хочешь меня взять, да? Тварь колченогая! А вот хрен тебе!

С последними слова, Троп поднес ко рту по очереди обе гранаты и выдернул зубами обе чеки. Сплюнув их на пол, он оскалил зубы в торжествующей улыбке.

– Пришла пора УМИРА-А-А-АТЬ!

Протяжно крича во всю глотку, Манцур рванулся с места. Последняя его мысль была теплой и приятной:

«Дир бы одобрил!!! Честное слово...»

Глава 3

Дир открыл глаза. Поглядев немного в темный, бревенчатый потолок, своими еще сонными глазами, он быстро сел на постели, спустив ноги в свои старенькие, но крепкие унты, стоявшие у кровати вместо стандартных тапочек. Скосив глаза на старенький, советский будильник, Дир встал и закрыл глаза, наполняя все свои чувства настоящим моментом текущего времени. Темный мир его сознания почти сразу озарился запахами, звуками и ощущением каждой клеточки его тела всего пространства вокруг немолодого бойца. Все было как прежде. Сильными порывами за окном свищет ветер, качая отчаянно скрипящую калитку на старом, давно покосившемся заборе. Дир буквально видел, как ветер залетает в другие пустующие дома этого вымершего хуторка, где он, ветеран спецназа, занял один домик под свою «берлогу». Дир ухмыльнулся. Да уж, от славной службы осталась только клочка и ужасные кошмары. Впрочем, кошмары мучали его еще задолго до службы. Война просто завершила их раскрытие, в полной мере развернув мрачный мир для сознания Дира.

Ухо Дира произвольно дернулось. Чутье направило, а чувства подтвердили. Рокот приближающегося вертолета, бывший боец спецподразделения не спутал бы не с чем иным. Пока Дир одевался, слух ненавязчиво сообщил о том, что вертолет не обременен вооружением, но нес с собой все же человек 5–6. Это был стандарт для этой местности, и ничего необычного в этом не было. Захватив с собой свой армейский нож, который Дир экспроприировал у армии в момент своего ухода из нее, он тихонько выбрался в окно, которое сам расширил для подобных ситуаций. Нет, таких вот случаев за 5 лет не было, до сегодняшнего момента, но чутье зверя было трудно преодолеть. И вот! Пригодилось все-таки!

Легко одетый Дир бесшумно скользил вдоль стен заброшенных хибарок. Одевать тулупчик было просто глупо, а вот белые теплые штаны и белый свитер, давали какую никакую, а все же маскировку на, еще не сошедшем с территории таймырской тундры, снегу. Светлые волосы Дира немного трепало ветром, а могучее тело, которое от холодящего ветра не мог спасти даже толстый, теплый свитер, начало быстро замерзать. Найдя временное прикрытие от ветра в полуразвалившемся домике напротив его жилища, Дир через покосившееся окошко с солидными осколками стекла, начал наблюдать за обстановкой перед своим жилищем.

Когда массивный вертолет, принадлежавший МЧС, приземлился, наконец, перед лачугой Дира, Шишков мгновенно оказался снаружи, опередив своих двух бойцов, которых ему дали для охраны. Мол, черт-те что может быть на уме у этого ветерана-отшельника. Полковник только зубами скрипнул, но противиться, а тем более обсуждать приказ не посмел. Времени было категорически мало!!! И так, только один поиск Дира занял 5 дней! Пять дней!!! Бывший ученик хорошо схоронился от своих бывших работодателей, ничего не скажешь. Шишков мысленно усмехнулся. Только мысленно, так как напавший в грудь ветер быстро и безжалостно разорвал бы полковнику рот. А им полковник собирался еще уговаривать Дира вернуться. Хотя бы на время. А пока, он лишь согревал свою душу пониманием того, насколько высокопрофессионального война он вырастил под своим крылом. Именно воина! Не солдата, не бойца, а именно воина! Так как с самого начала он вбивал в головы этих, тогда еще зеленых, ребят лишь одну мысль: Война – твой друг! И с каждым шагом, он все больше понимал, насколько это важно! Насколько важно взрастить не просто машин для убийств, диверсий, саботажа. Важно посеять зерна войны в души этих парней. И он, полковник Шишков, выполнил свою миссию. Те, кто шагал сейчас с ним, это лишь пародия с автоматами на настоящих солдат. Они Диру и в подметки не годятся. Как не годился и Манцур. Дир был непредсказуем, а Манцур неуправляем. Вместе они составляли дуэт, который можно было уничтожить лишь отдельно взятой армией таких же профессиональных убийц.

Найти Дира было сложновато, а вот его место обитания легче. Запросив различные сводки по Таймыру, Шишков их рассортировал и проанализировал дня за три, а дальше в ход пошла логика и боевой опыт. Результат не заставил себя долго ждать! Шишков тихонько отворил дверь старого, но еще довольно крепкого домика и не спеша вошел внутрь. Дом был естественно пуст. А горло больно кольнуло лезвием остро отточенного армейского ножа...

Дир на подсознательном уровне учуял Шишкова. Плотная, не похожая ни на что другое, волна дикой, но сдержанной энергии докатилась до засевшего в укрытии человека. Сердце Дира застучало чаще, а рефлекс толкнул тело вперед. Поднятая в воздух поземка, еще не успевшая осесть обратно на мерзлую землю, служила для бойца отличным прикрытием. Ноги несли Дира быстро и бесшумно, а рука перехватила нож лезвием вниз, а металлической, хоть и прорезиненной ручкой вверх. В крови необходимости не было. Хотели бы устранить, сделали бы это еще пять лет назад и другими силами. Сопровождение Шишкова обгонять и заходить первыми в дом Дира не решились, или просто забыли об этом, стуча зубами от холода и едва не отгрызая стволы своих автоматов. Нагнав их, Дир несильно ударил правого ручкой ножа в висок. Пока первый оседал, ветеран провел этот же трюк с не заметившим буквально ничего, левым бойцом спецназа. Открывший дверь Шишков, из-за легкого скрипа петель не услышал или не придавал значения тихому, неясному шуму у себя за спиной. Дир тенью проскочил за полковником внутрь дома и не теряя времени попусту, прислонил свой нож к шее разглядывавшего его апартаменты полковника Шишкова. Тот даже не вздрогнул от прикосновения холодного лезвия к еще теплой коже. И тут к Диру закрались сомнения о том, что так уж Лев Николаевич и не знал, что творилось и творится у него за спиной в данный момент и минутой ранее. Либо у бывшего командира воистину нервы из титанового сплава.

– Здравствуй, Петр.

– Здорова, Лев Николаевич.

Услышав слова приветствия, Шишков повернулся к бывшему ученику. Лейтенант спецназа Боровицкий Петр Остапович, возвышался над полковником на целую голову. Бывший боец изменился крайне мало. Разве что бороду отпустил, да седина немного засеребрила бело-брысы виски. Но голубые глаза смотрят все так же пристально, словно пронизывая собеседника насквозь. Лев Николаевич тихонько вздрогнул. Дир ухмыльнулся и, тряхнув светлой шевелюрой, сказал:

– Пожалуйте за стол, товарищ полковник!

«Вот ведь черт, морозом прибитый! Все заметил и правильно оценил! Но командиром не назвал. Наверное, все-таки оторвался он от себя самого...» – думал Шишков, присаживаясь за добротный, дубовый стол. – «И от меня... и от Манцура...»

– Я ничего не забыл, – тихо проговорил Дир, наливая из термоса полковнику в стакан еще теплый настой местных трав.

Шишков удивленно воззрился на него.

– Ты все-таки лучший. Был и остался, – так же тихо выдохнул Шишков.

– Только вот не начинайте опять! – скривившись, словно откусив внушительный кусок лимона, сказал Дир. – Вы хоть в лизоблюдстве замечены не были ни разу, и под старость этим заниматься не надо начинать! Вам это не к лицу!

Полковник открыл было рот, но Дир сразу прервал его:

– Как же, забудешь все эту хренотень. Прошло вот уже почти пять лет. Пять лет! А сны не дают мне покоя! Я все переживаю заново, каждое задание, каждую рану опять ощущаю в своем теле! Если бы не шаман местного племени, я бы уже свихнулся давно, – говоря это, Дир, мешал чайной ложечкой свой отвар в стакане. С каждым словом водоворот трав в руке бывшего спецназовца увеличивал обороты. На последнем слове Боровицкий остановил круговорот и прямо посмотрел на Шишкова:

– Что вам нужно от меня? Зачем вы меня нашли?

Шишков не ощущал себя сбитым с толку очень давно. Тон и манера разговора бывшего ученика завели полковника в тупик. Вдруг, словно из ниоткуда, на полковника напал стыд. Лев Николаевич опустил взгляд от голубых, как небо глаз, и посмотрел в мутновато-зеленую жидкость в своем стакане. А Дир все продолжал находить ответы сам, просто прибавляя ими полковника к табурету на котором сидел старый вояка:

– Наверное, что-то с Аскольдом, да? Да, наверное. Он наверное все-таки сменил кличку. Сто процентов сменил. Он всегда любил путешествовать. Пусть даже с автоматом в руках. Если бы не он, вы бы про меня не вспомнили. Это точно! Так что случилось с Манцуром?

Полковник поднял, наконец, взгляд, на своего бывшего ученика и медленно произнес:

– Ты прав, Дир! Ты, как всегда, прав. Ты же знаешь, Манцур не любил имя Аскольд. Как только ты ушел, он взял новое имя – Троп. Некоторое время он надеялся, что ты вернешься. Но потом разочаровался в себе. Именно в себе, а не в тебе, Дир! Он находил утешение лишь в борьбе и крови...

Дир сидел нахмурившись. Он знал Манцура с самого детства. Он был его лучшим другом, начиная с «почтового ящика»... Лучшим и единственным... На все СВЕТЕ...

Дир пресек открывшего было рот полковника, поднятием руки в знак внимания:

– Хорошо. Только ради Манцура!

Шишков еле заметно кивнул. Он явно не ожидал такой быстрой победы. Да, Дир и Манцур были друзья – не разлей вода. Но и пять лет – срок внушительный. Черт знает что в башке теперь у Дира.

Полковник поднял взгляд на Боровицкого. Тот сидел нахоженный и сосредоточенный, взгляд был сфокусирован на какой-то точке на полу. Добрых минут пять они сидели не двигаясь. Дир, погруженный в думы, не замечал пристально рассматривающего его физиономию полковника спецназа ГРУ. Первым тишину нарушил все-таки вернувшийся к реальности, Дир:

– Допивай свой отвар Лев Николаевич, и двинули. Но сперва заскочим кое-куда. Мне надо отдать один должок.

Спорить полковник не стал. Молча встал и прошел к выходу, тихонько буркнув:

– Я жду тебя в вертолете.

С этими слова Шишков толкнул дверь и вышел на улицу. Попытался выйти. Попытался в том смысле, что ему в лицо уставились сразу четыре ствола, а чуть дальше над прицельными планками выглядывали грозные очи четырех бойцов. Оглядев их, полковник хмыкнул. За всей их грозностью прятался плохо скрываемый страх и тревога. Увидев полковника живым и здоровым, солдаты опустили автоматы, но Шишков все-таки уловил краем слуха, какой выдох облегчения вырвался у всех этих вояк.

– Подготовить вертолет к взлету, – коротко приказал он и посмотрев на охрану, добавил: – Вы тоже в вертолет идите, погрейтесь, а то небось, земля рыла застудила.

Оба бойца покраснели, словно вместо головы из их плеч выросли две здоровенные свеклы. Хмыкнув еще раз, полковник хлопнул обоих лоботрясов по плечу и повел в вертолет. Но холодная рука нехорошего предчувствия сжала сердце полковника Шишкова мертвой хваткой. Смутные предчувствия полковника не давали ему очистить свой разум. Чувство, что они запустили когда-то уже остановленные часы на большой бомбе, давило на мозг с силой гигантского пресса. Забираясь в вертолет, Шишков оглянулся и увидел открывающуюся дверь хибарки Дира. Если кто и сможет остановить или даже разбить эти «часы», то только Петр. И никто больше...

Глава 4

Полет проходил спокойно, без проблем. Дир сразу, еще при погрузке в вертолет, сходил к пилоту и уточнил маршрут, обозначив на карте место, куда надо будет залететь. На немой вопрос пилота, который тот задал полковнику, Шишков кивнул, мол, «Делай, как он просит». Кивнув в ответ, пилот поднял машину в воздух и направил в нужном направлении. Спустя минут двадцать, стальная машина приземлилась возле десятка юрт. Поземка, поднятая вращающимися лопастями, в мгновение ока окутала стоянку местных жителей белым туманом. Выходя из вертолета, Дир не оборачиваясь, быстро произнес:

– Я не на долго...

Полковник машинально кивнул и крикнул пилотам:

– Глуши машину, тут и заночуем.

– Но... – открыл было рот один из спецназовцев, приставленных к Шишкову, но полковник оборвал его:

– Отставить разговорчики. Ты его в первый раз в жизни видишь, а я ему когда-то в руки автомат вложил.

Спецназовец успешно прикусил язык.

...

Дир быстро прошел в центр стоянки и приоткрыл полог самой большой из юрт. В центре юрты пылал огонь, а возле него, прямо напротив откинувшего полог, Дира, сидел Белый Ворон. Старейшина и шаман народа, на который когда-то наткнулся в начале своего отшельничества Петр. Старейшина был обернут в большую оленью шкуру, а взгляд его черных глаз был устремлен в огонь.

– Я ждал тебя воин, – размеренным басом произнес Белый Ворон, – проходи, присаживайся, не выпускай священного тепла из моего дома.

Дир быстро зашел в юрту и прикрыл за собой полог.

– Садись Дир, будь как дома, – кивнув на место напротив себя, все так же размеренно проговорил шаман.

Дир молча сел и только устроившись поудобнее, тихо сказал:

– Здравствуй старик. Я...

– Я знаю, зачем ты пришел, воин. Знаю... Боги меня предупредили, – встав со своего места, сказал Белый Ворон и прошел в правый, самый дальний угол, за спину Дира.

– Тени прошлого преследуют тебя, смертный. Очень страшные тени. Они уже настигли твоего друга...

– Что с ним? – перебил шамана Дир.

– Мне жаль воин, но среди живых ты его не найдешь, как и среди мертвых, – холодным голосом произнес Белый Ворон.

Дир застыл. Холодный пот противно скатился по лицу, а на спине впитался в свитер, неприятно холодя кожу. Не отводя взгляда от костра, Дир медленно произнес:

– Как бы там ни было, старик, но я должен тебе кое-что вернуть. Боюсь, это мне больше не понадобится.

С этими словами, бывший спецназовец снял с шеи маленький амулет в виде капли и вложил в ладонь шамана, которую тот протянул.

– Ты прав воин. Он тебе больше никогда не понадобится. Там, куда ты идешь, я вижу тьму. Тьму, которая может поглотить тебя навсегда.

Дир ухмыльнулся:

– Ты же знаешь, я никогда не тихой и мирной жизни.

– Да, знаю. Таких как ты, наш мир рождает лишь в те моменты, когда ее отчаяние очень велико и сродни материнскому отчаянию! Именно поэтому я не могу дать тебе погрузиться во мрак! Вчера со мной говорили духи!

– И что же они сказали? – мгновенно посерьёзnel Дир. Будучи офицером сначала Советской, а потом Российской армии, Петр все же не терял веры в потустороннее. Тем более, что именно духи этого племени спасли его тогда... пять лет назад.

– Они просили провести тебя к ним... – тихо проскользил голос шамана откуда-то сверху.

– Что? – удивился Дир и хотел было поднять взгляд наверх, как на голову ему обрушилось нечто, напомнившее ему по ощущению вылитую на голову ледяную воду, она стремительно окутала его голову и мир погрузился в самую настоящую темноту...

– Они сами тебе расскажут... – откуда-то из далека донеслись до Петра последние слова старого шамана...

Взору Ди́ра внезапно открылась поляна. На поляне, прямо на ее середине, высилась огромная юрта. Пространство вокруг юрты было покрыто зеленой травой, которую немного припорошил снежок. Из юрты вышла молодая девушка и поманила Ди́ра за собой, вглубь помещения. Петр тихонько зашел. В центре кочевого дома пылал костер, а вокруг него сидели девять мужчин, по одному взгляду на которых, было件нятно, что они местные. Одежда на них была из оленьих шкур, а глаза не отрываясь, смотрели в пламя костра. Самый дородный из мужчин, наконец-то поднял на Ди́ра глаза. В свете костра, лицо незнакомца было страшным и величественным одновременно. Боровицкий спохватился и поздоровался со всеми традиционным для Таймыра приветствием, приличествующим местным народам. Теперь уже все девять пар глаз уставились на бывшего лейтенанта.

– Садись, – басовито протянул первый из посмотревших на Ди́ра, мужчин.

Петр только сейчас увидел некоторый прогал в ровном кругу сидевших. Подойдя к месту, на которое указывал мужчина, Дир сел, скрестив ноги полулотосом.

– Наших имен тебе знать не надо, – все так же тянул дородный мужчина, сидевший теперь прямо напротив Ди́ра. – Но твое нам известно, воин. Твое прошлое гонится за тобой. И оно тебя не отпустит до тех пор, пока ты сам не посмотришь ему в глаза. Только тогда ты освободишься от своих снов... навсегда. Ты спас одну из наших внучек два года назад и мы хотим отблагодарить тебя, воин. А теперь иди, тебя ждут!

С этими слова, мужчина сложил ладони ковшиком и подув в них, резко повернул их в сторону Ди́ра. Ничего не понимающего бойца, подхватила неведомая сила и резко выбросила из юрты в бездонную темноту.

Возвращение в реальный мир было очень неприятным.

Чугунная голова хоть и не болела, но была ледяной, а горячая грудь хоть и была легка, но каждый вдох давался мужчине с адской болью в сердце. Дир, как мог и как позволяла тяжелая голова, осмотрел место, где лежал. Никуда его не перенесли. Лежал он в юрте Белого Ворона. Самого хозяина нигде не было. В согретом священным огнем воздухе плавали ароматы каких-то растений. В юрте было на удивление светло и уютно и Петр, даже мучаясь от едва терпимой боли, невольно расслабился и медленно, сквозь резь в груди, погрузился в сон. Ему показалось, что прошло едва ли минута его сна, как вдруг какая-то неведомая сила подбросила его кверху, раздирая в разные стороны. Мышцы напряглись, затрещали сухожилия бывшего спецназовца, сердце казалось вот-вот вырвется из груди! Дир хотел закричать, но язык не повиновался, и лишь спустя минут пять беспредельного напряжения, Петр смог открыть глаза. Так ему показалось... На самом деле, это заботливая рука Белого Ворона смахнула с его чела влажную тряпку. Петр огляделся. Он все так же лежал на своем месте, в юрте шамана, руки и ноги бывшего лейтенанта держали двое дюжих соплеменников Ворона.

Заметив, что Дир открыл глаза, шаман постучал верзил по плечам и те без единого звука, удалились.

– Слава Богам, ты очнулся, воин!
– Что... со... мной? – едва ворочая языком, пролепетал Дир.
– Демоны, – тихо прошептал шаман, – демоны хотели забрать тебя. Уже три дня и три ночи... Но ты выдержал и это поистине ВЕЛИКОЕ ЧУДО!

– Пи-и-ить... – простонал Петр.
– Вот, испей. Это наш местный напиток, – помогая Диру приподняться и поднося емкость с пряно пахнущей жидкостью ко рту мужчины, проговорил Белый Ворон.

Дир без опаски выпил все. А потом еще две такие же полулитровые емкости и лишь тогда откинулся обратно на шкуры под головой.

– Спасибо...
– Спи, набирайся сил. Завтра тебе предстоит долгий путь... – с горькой улыбкой на губах произнес шаман.

И Петр был не против. Он знал, что впереди его ждут только кровь и грязь. Нет, он не боялся. Страх в нем давно уже не было. Он жил всей этой и кровью и грязью. И он понимал, что поступал очень глупо, пытаясь убежать от всего этого. А полковник... Шишков сам того не ведая, лишь помог Диру утвердить в душе одну простую и понятную истину – От себя не убежать!

Шорох... Мгновение спустя рефлексy сами подняли могучее тело с теплого ложа и в доли секунды водрузили голые мускулистые руки на шею человека, вошедшего в юрту. В следующее же мгновение, еще покрытые пленкой сна, глаза Дира выхватили из тумана широкую улыбку.

– Вижу, ты здоров, воин! – радостно квакнул шаман, – Видимо ты пришелся по нраву нашим Богам, раз ты еще жив и бодр!

– Прости, старик... – разжав руки, которые уже были готовы вырвать кадык шамана, тихо произнес Дир, но Белый Ворон сразу подхватил:

– Привычка!

Его залиvistый смех заставил улыбнуться и бывшего спецназовца. Предложив гостю присесть и позавтракать вместе с ним, шаман быстренько настрогал в почти литровую лохань сала и поставил поближе к огню. Дир отказываться не стал, ибо его желудок именно в этот момент тихонько намекнул, что сожрет самого себя, если хозяин сам не соизволит кинуть в него хотя бы маковую росинку.

Белый Ворон без предисловий поставил перед лейтенантом кастрюлю, источающую сногсшибательный аромат жареной оленины. Сглотнув слюну, Дир без приглашения начал опустошать кастрюльку. Очнувшись от сладкого угара чревоугодия лишь к концу трапезы и самой кастрюли, Петр со стыдом поднял взгляд на Ворона. Тот сидел с самой широкой и откровенно доброй улыбкой на свете.

– Я вижу, ты и в самом деле готов к своему походу! Ешь-ешь, я знал, что так будет. Голод после такого «полета» терзает всегда! И очень сильно! Тем более, если учесть то, что ты и сам-то не маленьким будешь! – весело погрозив пальцем Диру, опять расхохотался шаман.

Бывший спецназовец с удовольствием доел оставшиеся два куска и сразу же получил на руки «горячее» – растопленный посоленный жир.

Приятное тепло сразу разошлось по телу, а голова наконец-то вытряхнула из себя последние остатки дурного сна.

– Благодарю за пищу и кров, но я должен идти, – медленно проговорил Дир, отставляя пустую чашку и поднимаясь на ноги.

– Да, ты прав, – резко посерьезнев, сказал Белый Ворон, – одежда твоя рядом с ложем, где ты спал. Одевайся.

Спустя минут пять Петр стоял уже одетый. Медленно поправляя чехол с ножом, он обратил внимание на взявшийся почти из ниоткуда второй чехол. Он висел с другой стороны, на правом боку, в отличии от армейского, который Дир всегда носил на левом. Второй чехол был выделан из кожи какого-то животного, из кого на первый взгляд Петр определить не смог, очень искусно и красиво, но... он был пуст.

– Нравится? – тихо ступая по шкурам к лейтенанту приблизился шаман, – Говорят, он был выделан из шкуры Небесного Дракона, который однажды вознамерился тягаться с Богами, но пал сраженным молнией Великого Бога!

Дир поднял взгляд на старика и тихо произнес:

– Зачем он мне?

– Ножны? Ножны тебе нужны только для одного – носить в нем оружие. А вот оружие тебе понадобится! Вот, прими! – с этими слова, Белый Ворон протянул в сторону Дира руку с зажатым в ней ножом. Глаза бывшего спецназовца медленно округлились, но на лоб не полезли. Постеснялись. Нож был произведением искусства! Но не искусства красоты или великолепия, а искусства смерти! Рукоятка была вырезана из белоснежной кости и имела странный рунический рисунок, который медленно перетекал в плавные изгибы самой рукоятки. При этом ничего лишнего, что могло бы помешать руке во время боя, на ней не было. Из рукоятки, словно черная молния из белого облака, вытекало, именно вытекало, черное лезвие. Прямое и обоюдоострое, оно вселяло ужас одним своим видом. Словно сам сумрачный страх воплотился в виде смертоносного лезвия и теперь только ждет шанса почувствовать себя в горячей трепещущей плоти живого существа. А еще лучше – в плоти человека!

Дир впервые испытывал чувство трепета, принимая в свои руки подобное оружие. Аккуратно взяв в руки нож, Петр сразу примерил его по своей руке. Идеально! Нож лег в ладонь свободно и мягко, кость рукоятки хоть и казалось гладкой, но Дир был уверен, что пусть руки будут хоть в сале, хоть в мазуте, нож не выскользнет из руки ни на сантиметр!

Быстро вложив нож в чехол, Петр опять поднял глаза на Белого Ворона. Тот стоял напряженный, как струна. Почему, Дир не мог понять.

– Как покончу с этим делом – верну его сразу. Клянусь! – твердо глядя в глаза шаману, сказал Дир.

– Нет! Даже не думай об этом! – тут же поднял руку в отрицательном жесте вождь, – Этот нож – наша священная реликвия, но хранится она должна у самого сильнейшего из воинов! Таково было последнее желание Небесного Дракона!

Последние слова были произнесены им громко и торжественно. Диру даже на миг показалось, что свет в юрте стал немного ярче от этих слов.

– Но я не принадлежу к ваш... – начал было Петр, но Ворон его прервал.

– Если захочешь, можешь вернуться сюда! Отныне – это и твой дом тоже. Помни об этом!

– Спасибо, Белый Ворон! Этого я никогда не забуду! – Дир поклонился шаману в пояс и добавил, – Прощай, старик. Авось, свидимся еще когда-нибудь!

– Прощай, Петр-Воин! Пусть твой путь будет коротким! – чуть склонив голову, произнес шаман.

– Аминь!

Полет проходил нормально. Пока летели до ближайшего крупного города, Дир успел узнать все последние новости их маленького отряда. Оказывается, полковника, ребят из спецназа и пилотов местные жители прозябать не бросили. Все три дня их кормили и поили, а под ночевку отдали одну из самых больших юрт. Даже одну девушку почти успели сосватать за одного из бойцов, да не вышло ничего. Сказали, мол, обычаи им запрещают. Дир лишь немного ухмыльнулся. Брешут конечно. Небось, побаловаться хотел парнишка на дар-

мовщинку, а он его сразу и укоротили с этим делом именно угрозой неременной женитьбы. Ну да ладно, это их дело.

– Чего там с тобой делали-то? – тихо проорал в самое ухо своему бывшему ученику Шишков.

– Бесов изгоняли, – точно так же проорал Дир, – и клизмы делали из сала. Что бы лучше выходили!

Шишков ухмыльнулся. «Шутник, едрить его!» – беззлобно подумал про себя полковник.

Дальнейший полет проходил в полной тишине. Как и вся дальнейшая поездка. Погруженный в свои думы Дир только успевал замечать меняющиеся пейзажи аэропорта, города, вокзалов и иногда мелькавших перед глазами лица незнакомых людей.

Глава 5

– Все, как договаривались, – Шишков ткнул острием ножа в карту, разложенную на капоте служебной «Волги», – Вот здесь тебя ждет белый «Жигуль», в нем все, что необходимо.

– По минимуму? – спросил Дир.

– Да, все как ты и просил. Увидишь все на месте. Тебя туда подкинет наш завгар...

– Э-э-э, не-е-ет! – отрицательно помотал головой боец, – Я как-нибудь сам. Знаю я этого завгара... За нами еще три «Урал» – а с бойцами охраны попрутся. Я лучше так, своим ходом.

– Ну, как знаешь, – не стал спорить с бывшим учеником полковник, – В добрый путь, Петя.

– Ага, куда уж добрее, – пробурчал Дир, пожимая крепкую руку наставника.

– Авось, свидимся еще!

– Прощай, Лев Николаевич.

Дир развернулся и, не оборачиваясь, вышел с территории военной базы.

Петр всегда любил ходить пешком. Тем более, что его тренировали пробегать в день по 30 – 40 километров. Шишков всегда считал, что именно его «орлы» всегда должны быть впереди. Даже впереди всех, кто служил с ними плечом к плечу. Конечно, Дир был еще на высоте и с легкостью мог бы выдержать такие нагрузки, но тратить силы на лишние 58 километров он все же не спешил. Попуток, естественно, по дороге не попало. И это закономерно. Никто и не думал подпускать гражданских на такое близкое расстояние к военной базе разведывательного управления. Поэтому Петр, двигаясь «на автомате» к заданной цели, все же успел обругать себя за столь опрометчивый отказ от транспорта, любезно предложенного полковником. Через 15 минут быстрой ходьбы, Дир услышал позади себя нарастающее тарахтение мотора, которое могло принадлежать только старой «Ниве», которые в количестве пяти штук еще стояли в гараже базы и никто их списывать, пока, не спешил. Боец остановился, но оборачиваться не спешил. Автомобиль притормозил рядом со спецназовцем и Петр с удивлением узнал в водителе генерала Сивушева.

– Подбросить?

– А я могу отказаться? – усмехнулся Дир.

– Можешь, – серьезно кивнул генерал, – но переть тебе, родной, тогда, километров сорок. Я прав?

– Пятьдесят четыре с половиной, – буркнул себе под нос боец, вваливаясь в салон «Нивы».

– Чего эт ты как медведь елозишь? – удивленно округлил глаза Сивушев, – Давно в машине не ездил?

– Да уж давненько, – прошипел Петр, старательно ставя ноги так, что бы колени не упирались в панель. Получалось довольно таки больно.

Машина тронулась. По обочинам проплывали разросшиеся лесопосадки, за которыми в последний раз ухаживали лет 20 назад. Дорога, с редкими ямами тянулась далеко вперед, а редко попадавшиеся селеньица удручали Дира своим видом не меньше, чем мысли о его спасательной миссии.

Генерал молчал. Ветеран все же решился и искоса глянул на Сивушева. Тот перехватил взгляд, брошенный в его сторону, но глаз от созерцания дороги не отвел:

– лейтенант, я скажу тебе все прямо, ничего таить не буду. И так молчал долго. В общем, в смерти твоих родителей виновен я, – генерал почувствовал, что после этих слов, горло свело, словно сжала его сильная невидимая рука.

Дир буквально подпрыгнул после этих слов генерала. Он непонимающе уставился на генерала, но потом резко отвернулся.

– История эта долгая... – начал было генерал, но Петр его оборвал.

– Товарищ генерал, простите, но мне это знать не надо, – могильным голосом проговорил Петр, – это дело прошлое.

Теперь уже генерал воззрился на спецназовца с нескрываемым удивлением.

– Ответы на все вопросы, я думаю, получу там, в Архангельске – 79, – отвечая на немой вопрос генерала, Петр вскинул руку и указал на старый покосившийся «коробочек» советской автобусной остановки, – Остановите вон там. Спасибо. Дальше я сам, товарищ генерал.

С этими словами Петр вылез из машины.

– Почему, лейтенант? – донесся до бойца голос генерала.

Дир улыбнулся и не обернулся.

До цели оставалось еще пара километров, когда Дир решил забежать в нарисовавшуюся у него на пути дешевую придорожную забегаловку. Взбежав по ступенькам низенького, продолговатого домика, спецназовец аккуратно толкнул, рассыпавшуюся буквально на глазах, дверь. Окинув помещение цепким взглядом, Дир отметил, что внутри заведеньице хоть и староватое, но вполне аккуратное и чистое. Два стола у дальней стены, барная стойка и бильярдный стол, буквально подпиравший собой дверь. «Видимо, у хозяев бывали серьезные проблемы» – невольно подумал Дир, проходя к стойке. За дальними столами, по всей видимости, гуляла местная братва, человек шесть или семь. Проводив прищелца взглядом, они заново набросились на водку и местную закуску. Уместившись за барной стойкой, рядом с разившим перегаром пьянчужкой, Дир позвал бармена и заказал себе баранью ножку и большую яичницу. Наевшись до отвала, Дир расплатился и хотел уже было уходить, но что-то необычное вдруг привлекло его внимание. Боец обернулся на шумную компанию, которая, по всей видимости, обмывала какое-то очень большое событие и попытался определить, что же его так встревожило. Классические бандюки, а-ля 90-е.

Аккуратно наклонившись к бармену, протиравшему бокалы тряпицей, Дир тихо поинтересовался, указывая глазами в сторону братков:

– Давно они здесь?

– Часа три, – так же тихо произнес бармен, наклоняясь в сторону спецназовца, – Ждут чего-то... или кого-то.

Дир кивнул. Его пальцы задумчиво скользнули по рукоятям обеих ножей, непроизвольно поправляя ножны. Развернувшись на стуле, спецназовец тихо слез на пол и сделал первый шаг к выходу.

– Эй, дядя... – донеслось сзади.

Дир не знал как и почему, но рука и тело уже среагировали, послав армейский нож через все пространство кафешки. Прорезиненная рукоять красиво, словно из ниоткуда, возникла в груди одного из бритоголовых крепышей. Его друзья, видимо ждав этого момента, мгновенно вытащили оружие из-под кожаных курток. Они были быстры... Очень быстры... Они успели даже вскинуть свои «игрушки», как четверо из оставшихся шести уже опускались на пол, заливая его своей кровью из разрубленных чудовищными ударами шей. Двое остальных братков успели разлететься в разные стороны, разрывая пространство оглушительными звуками выстрелов и свинцовыми кусочками смерти в том месте, где они успели засечь движение массивной фигуры неведомого противника.

– Я пус... – только и успел гаркнуть один, как в его голове вдруг возникла белая костяная рукоять шаманского ножа. Последний оставшийся в живых «бандит» успел перепрыгнуть стойку и замер в неподвижности, словно суслик прислушиваясь к смертельной тишине по ту барной сторону стойки.

– Вылезай... – донесся до молодого человека голос смертоносного незнакомца.

Быстро среагировав, «недобраток» вскинулся и выщедил остатки своего магазина в то место, откуда было произнесено это слово. Никого там конечно же не было. Поняв свою ошибку, пацан зажмурился. Сильные руки вывернули из пальцев пистолет, вытащили из-за стойки и приставили к горлу нож.

– Кто?

– Не убивайте, пожалуйста! – взмолился молодой киллер, – Нам приказали!

Мальчишка не надеялся на свой нож, скрытый в рукаве, ибо даже ему было понятно, что он – «недобандит», киллер высокого уровня, просто не успеет им воспользоваться.

– Кто? – настойчиво повторил свой вопрос Дир.

– Нам сказали, надо ликвидировать «оборотня», вот и все! Клянусь всем на свете, больше ничего нам не сказали! Я ничего не знаю!

– Откуда узнали, что я зайду сюда?

– Простой расчет, – торопливо забубнил паренек, – заказчик упомянул, что ты пойдешь пешком и скорее всего захочешь подкрепиться перед заданиемкх-хр-хр-хр...

Спецназовец отодвинулся от хлещущей из горла киллера струи, обтер об труп нож и сунул обратно в ножны. Даже сивому мерину было понятно, что пацан врал. Они не могли этого знать. Никто не мог этого знать. Ибо невозможно предугадать действия одиночки. Разве что только... Дира осыпало морозом. Либо его хотят убрать те, за кем он идет...

Глава 6

Белый «Жигуль» стоял на обочине, красиво поблескивая на солнце чистыми-чистыми стеклами. Открыв дверцу багажника, Дир осмотрел содержимое. Ничего необычного: спецформа спецназа, два пистолета, Макаров и Стечкин, АК–74 с «обувкой» (подствольный гранатомет ГП–25) и советским прицелом ПСО–1, пара армейских ножей вида «кукри», десяток гранат РГД–5 и Ф–1, десяток гранат для «обувки», запас аптечек, сухпайков, запасные магазины к автомату и пистолетам, пара глушителей, патроны и прочая мелочь.

Надевая на себя экипировку, Дир все силился понять, для чего же генерал сказал ему те слова: «Я виновен в смерти твоих родителей». На что надеялся старый вояка? Что я расплачусь? Или сверну в тот же момент ему шею? Или груз, висящий у генерала на душе, стал вдруг таким непомерным, что не стало больше мочи его нести в одиночку? Чертовщина какая-то... Все началось как-то неправильно и коряво.

На последних мыслях разведчик поморщился и, по старой привычке, попрыгал. Никакая, даже самая мелкая деталька на нем не звякнула. Захлопнув опустевший багажник, Дир перехватил удобнее автомат и в последний раз окинул взглядом окрестности. Недалекая лесополоса, небо и, конечно же, дорога. До бывшего советского «почтового ящика» оставалось еще примерно километров 10–12 и Петр намеревался достичь его до захода солнца, переночевать в одном из окраинных домов, а с утра аккуратно и без спешки добраться до входа в секретную лабораторию, где работал давным-давно его отец. Дир, почти сделавший первый шаг на пути в неизвестность, вдруг резко повернулся вправо.

«Какого?..» – мелькнувшее на периферийном зрении белое пятно вдруг явственно промелькнуло среди деревьев. Боец почувствовал нарастающее желание пойти за пятном, но руку вдруг больно кольнула рукоять шаманского ножа. К удивлению Петра, она была теплой и все сильнее и сильнее разогревалась. Не растерявшись, спецназовец быстро вытащил нож из ножен. Желание бежать к пятну исчезло мгновенно, но любопытство все же пересилило. Дир вошел под прикрытия деревьев, и на плечи ему сразу опустилась прохлада и чувство полной защищенности. Это была его стихия. Стихия воина-победителя!

Сорвавшись с места, подобно стреле с натянутого до предела лука, Дир через полминуты догнал вяло утекающее от него белое пятно. При ближайшем рассмотрении, пятно оказалось женщиной, со светлыми, подобно спелой пшенице, волосами. Петр без труда узнал, пусть и со спины, свою мать. Но сжимаемый в руке нож красноречиво обжигал кожу владельца, давая понять, что все не так просто.

– Мама?

Боец аккуратно взял женщину за плечо и развернул к себе... и тут же отпрянул! Протянув к нему свои когти, на спецназовца прыгнуло одно из самых уродливых существ Земли. Черные провалы глаз чудища впились взглядом в лицо Дира, а неестественно длинные зубы недвусмысленно нацелились на горло бойца. Петр резко метнул левую руку вверх, останавливая выпад противника ударом в грудь и быстро намотав на кулак белый балахон существа, с наслаждением вонзил шаманский нож прямо под подбородок страшной твари. Спецназовца вдруг с невероятно силой тряхнуло, а перед глазами вспыхнула яркая вспышка белого света, с неожиданной силой разбрасывая противников в разные стороны. Боец явственно слышал треск разрываемой материи, которую не выпустил из кулака и леденящий душу хруст рассекаемых холодной сталью лицевых костей этой женоподобной твари. Хвала небесам, нож остался в руке Дира, а сам он, врезавшись спиной в ствол дерева, на мгновение потерял сознание. Быстро придя в себя, Петр потряс головой, выгоняя из нее боль, и быстро поднялся на ноги, ища взглядом своего супротивника. Она лежала лицом кверху и мерно ровно дышала. Дир подбежал к ней и опустился на колени рядом с женщиной, аккуратно приподняв ей голову:

– Мама!? Мама!

Красивая женщина, лет 30, с трудом приподняла веки, и взгляд ее пронзительно голубых глаз нашел своего ребенка:

– Петруша, – голос ее был слаб и нежен, – маленький мой!

– Мамочка...

Рука женщины, медленно поднимаясь, прикоснулась к небритой щеке своего, уже давно, повзрослевшего сына. Из глаз Петра скатились первые слезы.

– Не плачь, малыш.

– Давай я помогу тебе подняться, мам.

Дир аккуратно поставил свою мать на ноги, и все это время в мыслях благодарил всех богов за то, что ужасная рана, которую он нанес той твари, не перешла «по наследству» его матери.

Мать с удовольствием разглядывала своего сына.

– Мама, как же ты так... – начал было боец, но осекся и опустил взгляд.

– Не бойся, малыш, не бойся! Ты смог то, что не смог твой друг...

– Манцур? Он был здесь? – вскинулся Дир.

– Да, – с горечью в голосе произнесла женщина. Глаза ее на миг застились болью, но быстро сменились беспокойством.

– Сыночек, уходи отсюда! Уходи, пожалуйста! Как можно скорее!!! – запричитала мать Петра.

Дир не раздумывая обнял свою маму, она же вцепилась в него со всей силой, боясь отпустить.

– Все будет хорошо, мамуль! Все обязательно будет хорошо! Но я должен Манцуру, ты же знаешь.

– Знаю, сыночка, знаю! Но... ты же... умрешь там! Там Ад! Поверь мне – Ад! – и тут же за этими словами из матери Дира хлынул судорожный плач.

– Да, мама. Там Ад. Но поверь мне – я вернусь! Ибо этот Ад – мой родной дом!

Прощение проходило тяжело. И все же оно состоялось. Дир молча стоял и смотрел, как его мать уходя за ближайшие деревья, растворилась подобно дыму под легким ветром. Петр еще долгое время думал о том, что же произошло. Почему он так легко принял и уверовал в призрака, явившегося ему? Неужели он был готов к этому? Или... он сам постепенно становится призраком? Так или иначе, но Дир всегда придерживался мнения, что если ты увидел призрака, значит ты следующий в списке у старухи с косой.

Дир с легкостью проделал половину пути до города. Наслаждаясь природой вокруг, он все же решил не идти по дороге, а идти лесом. Так меньше всего вероятности быть замеченным. И пусть по этой дороге вот уже 30 лет никто не ездил, но... чем черт не шутит. И вот сейчас лес начал неумолимо заворачивать вправо. А перед Петром открылось весьма удручающее зрелище. Насколько он помнил, лес всегда плотно прилегал к закрытому городу, служа ему естественным забором и от любопытных глаз и от транспортной пыли недалеких «гражданских» городишек. А сейчас на пути Дира вдруг оказалось пепелище. Черная, обуглившаяся земля была мертва, словно ее долго поливали напалмом. Часто раскиданные обгорелые пни, кое-где виднеются недогоревшие стволы вековых сосен и дубов, повергнутые на землю никем иным, как подземными великанами. По крайней мере, так показалось бойцу на первый взгляд. Ибо раньше он никогда бы не смог представить ту силу, которая могла бы вырвать из почвы этих гигантов лесного массива. А ведь когда-то он, малый чумазый мальчишка бегал по этим лесам вместе с таким же мелким Манцуром... Тряхнув головой, Дир попытался убрать подальше в память эти старые картинки его прошлого, но не сумел. Подсознание само собой

рисовало то детские игры, то мамины пирожки с капустой. Кстати, от последних мыслей Дир невольно сглотнул слюну. Пора бы уже и перекусить, а то последние события заставили ненадолго позабыть об этих важных для организма мелочах. Петр тряхнул головой, пообещав поужинать только в городе, и сделал первый шаг по выжженной земле.

Дир не любил чувствовать себя как на ладони. А сейчас было именно так. Черное выжженное пространство, по которому идет «зеленый» человечек. Где-то вдали прозвучал гул вертолетного винта. Петр аж приостановился от неожиданности. «Впрочем, это может быть частник. Их развелось сейчас как блох на псяке» – вяло отмахнулся боец, но шаг ускорил. До города оставалось километра полтора и Дир мог угадывать вдалеке первые окраинные домишки, как вдруг, словно из-под земли, чуть левее от него, возник небольшой домик. По всем параметрам, это был первый и последний блокпост на пути в город.

«Заброшенный» – про себя поправился Петр, прямым ходом направляясь к дому. Взяв автомат наизготовку и, внимательно следя за черными провалами окон, спецназовец в доли секунд оказался рядом с бетонным коробом и, прислонившись спиной к стене, замер. Напрягая слух, Дир до звона в голове вслушивался в тишину. На первый взгляд все было спокойно, но... Петр нутром чувствовал что-то чужеродное. Точнее, темное и опасное. Словно сама Смерть решила легким поцелуем напомнить старому знакомому о своем близком, о-о-очень близком присутствии. Боец осторожно двинулся вперед, обходя старую постройку со стороны города. Аккуратно выглянув из-за угла, Дир удостоверился в отсутствии кого-либо на горизонте и уже увереннее продолжил движение. По ноздрям ударили запахи гниющего мяса и спекшейся крови, буквально вытекавшие из темного зева, служившего бетонке входом. Двери, естественно не было. Остановившись в двух шагах от косяка, Петр собрался с мыслями, достал из разгрузки гранату, но чеку не вытащил, и, сгруппировавшись, прыгнул с места прямо внутрь помещения. Полетевшая отвлекающим маневром граната глухо стукнулась об одну из стен и приземлилась в двух шагах от Дира. Сам боец хмуро разглядывал небольшое помещение через прицельную планку автомата. К счастью, оружие не потребовалось. Но это мало обрадовало Петра. Прямо перед ним лежали пять трупов, прикрытых кто маск – халатами, а кто и просто кителями. Проведя небольшой осмотр, спецназовец вышел из комнаты на свежий воздух. Нет, к трупному запаху он был привыкший. Как и к трупам. Просто не любил их лишний раз созерцать без причины. Трое на сто процентов – ОМОНовцы, а двое по всем прикидкам – ГРУшники. Тут Дир готов был дать голову на отрез. Без документов и знаков отличия, парни имели тренированные тела и много других отличий. Если бы даже Дир не знал о том, что здесь работали люди конторы, он процентов на девяносто был бы уверен, что это они. Видимо, разговор у двух групп коллег из разных ведомств не задался. Осмотр территории лишь подтвердили мысли разведчика. Осколки стекла, капли крови, гильзы. Стрельбу первыми открыли ОМОНовцы, когда машины со спецназом ГРУ приблизились почти вплотную. Двух ребят положили сразу, а потом... потом все кардинально изменилось. На месте перестрелки Петр с удивлением обнаружил гильзу от БП и картинка мозаики окончательно сложилась в стройную ленту событий. После первых же выстрелов, Мансур среагировал мгновенно. Вылетел из машины через запасной выход. Выстрел БПешки и у одного милиционера дырка в голове. Потом, как любил говорить Троп, «запел» его нож. Одна «металка» осталась в глазнице второго ОМОНовца, а третий боец успел укрыться в самом здании старого КПП, продолжая поливать машины ГРУ огнем. Правда, быстро кончившиеся патроны поставили точку в его жизни. По всей видимости, Мансур просто свернул ему шею, как цыпленку. Характерные отметины Дир и нашел на шее одного из трупов.

Щелкнув языком, Дир, прищурившись, посмотрел на заходящее солнце. «Красиво» – мелькнула шальная мысль. Он окинул еще раз взглядом бетонный «гроб» для пятерых бойцов и быстрым темпом двинулся в сторону города. Времени на сентиментальности не было. Когда до первых домишек города оставалось буквально метров двести, Петр притормозил.

Предчувствие было хуже некуда. Дир знал, что как только сделает первый шаг на территорию города, то сразу окажется во владениях Мрака и Боли, а поэтому приближаться к цели своего похода не спешил. Прохладный воздух наступавшего вечера приятно покалывал разогретые легкие. Липкие лапки прохлады пытались пробраться под амуницию, но безуспешно. Красиво подсвеченные закатным солнцем деревья шуршали листвой на легком ветру. И в этот момент ветерану спецназа ГРУ меньше всего хотелось думать о том, что в этом городе его, скорее всего, подстерегает Смерть. Хотелось скинуть лишний груз из смертоносного металла, широко вздохнуть полной грудью и раскинуть руки, приветствуя этот мир и впитывая его в себя без остатка...

Стряхнув наваждение, Дир ловкими заученными движениями накрутил на автомат глушитель. «Чем черт не шутит, когда бог спит?» – подумал спецназовец, и, в доли секунд преодолев расстояние до первого полуразвалившегося домика, ящеркой юркнул в темные внутренности мрачного помещения.

Глава 7

19.00 по местному времени. База Главного Разведывательного Управления

Полковник ГРУ Лев Николаевич Шишков, удобно устроившись на скамейке перед входом в главное здание, хмуро разглядывал группу бойцов, занимавшихся силовыми упражнениями на тренировочной площадке. Злые, поджарые и быстрые – они являли собой самых лучших разведчиков, диверсантов и бойцов. Мысли старого солдата, как-то сами собой, завели полковника на двадцать лет назад. Тогда он, еще молодой капитан, только-только поступивший на службу в войска специального назначения ГРУ, получил приказ сделать из группы «зеленых» новобранцев профессиональных диверсантов и убийц. Из 25 человек, впоследствии, осталось только двое. Мансур Черногаев и Петр Боровицкий. Прошедшие через жесточайший отбор, получившие первые синяки и царапины, они и представить себе не могли, что их еще ждет впереди. Шишков, в прямом смысле слова, просто изгалялся над бедными парнями, как хотел. Впрочем, именно благодаря ему, два бойца, плечом к плечу, пройдя «горячие точки» и в Афганистане, в Чечне, в Югославии и снова в Чечне, вышли из всех схваток живыми и почти невредимыми. И Лев Николаевич ими от души гордился и восхищался. Ибо потом, в течение долгого времени, не было никого, кто мог бы сравниться с Аскольдом и Диром.

Вдруг, разрушая образы прошлого, в сознание полковника вторгся шум двигателя старенькой «Нивы». Генерал Сивушов, не смотря на сумерки, издали заметил сидящий на скамейке темный силуэт. Кто это был, генерал догадался без труда. С тихим кряхтением генерал вылез из машины, хлопнув дверцей автомобиля, и, не спеша, делая вид, что разминает ноги, приблизился к Шишкову. Полковник, в свою очередь, не отрывал глаз от бойцов. Постояв с полминуты, генерал все же сел и проследил за взглядом однополчанина и друга.

– Где был? – произнес в пространство Лев Николаевич, игнорируя устав.

– Катался, – нисколько не рассердившись, ответил Сивушов.

– Довез? – не заметив явной лжи командира, осведомился полковник.

– Немного, – прикрыв глаза, вздохнул генерал.

– Слушай, Стёп, расскажи мне все, – переведя глаза на друга, попросил Шишков, – я же вижу, гнетет тебя это.

– Что «все»? – мгновенно ошетинился Сивушов.

– Хватит дурака валять! – немного повысил голос Лев Николаевич. – Сам знаешь, о чем я говорю!

– Не положено тебе это знать, полковник, – делая ударение на последнем слове, прошипел генерал, – писька еще не выросла!

– Да что ты говоришь! – саркастически взмахнув руками, ухмыльнулся Лев Николаевич. – Слушай, ты мне братом стал после Афгана, а потом еще и из задницы 90-х вытащил. Уже тогда я заметил, что в тебе что-то сломалось. В Афганистане ты был бойцом и солдатом, а после отъезда и командировки в Архангельск – 79 ты словно «перегорел»...

Выпалив это, полковник отвернулся от генерала и яростно плюнул в урну рядом со скамейкой. И, на удивление, попал.

Генерал, опустив глаза, внезапно испустил такой вздох, словно у него на плечах лежала ели и не гора, то пара танков Т–72 точно. После этого генерал тихо заговорил:

– Ты прав, старый черт... Только там, в Архангельске–79, я не «перегорел», а «сгорел»... Весь и сразу. Это было в августе того же, 1980-го года...

Весна 1980 год. 7.00 по местному времени.

Засекреченный советский «почтовый ящик» Архангельск – 79

Квартира майора Сивушова.

Гребанный будильник надоедливо-надсадно зазвонил свою трещотку. Не открывая глаз, новоиспеченный начальник охраны одного из самых засекреченных объектов Советского Союза Степан Никифорович Сивушов, нащупав рукой этого механического горлопана, послал его в недолгий полет через всю комнату в ближайшую стену. Все дело было в том, что вчера вечером, новоприбывшему майору, новые коллеги устроили, так сказать, встречу, со всеми вытекающими отсюда «последствиями». И «последствия» эти, отнюдь, не были приятными.

– Чего творишь, ненормальный? – донесся с кухни недовольный голос жены майора, Никаноры.

– Ни-и-ик, – жалобно простонал майор, – принеси рассольчику-у-у...

– Прислугу отменили в 17-ом году, – все так же недовольно огласила женщина свой вердикт, – сам встань и налей.

– Э-э-эх, выть, – выдохнул Сивушов и попытался приподняться с постели. С третьей попытки это у него получилось. Правда, майор немедленно об этом пожалел. Ему на миг показалось, что в голову выстрелили из РПГ и она разлетелась на мельчайшие ошметки по всей квартире. Тихо застонав, Сивушов обхватил голову руками и решительно отменил свое решение идти куда-либо и зачем-либо. Вдруг, на лоб бедного майора опустилось нечто блаженно-холодное. С трудом Степан смог понять, что это мокрая тряпка, которую ему на голову опустила его ненаглядная, прекрасная и самая лучшая жена на свете! В руках она держала большую кружку, откуда явственно пробивался божественный аромат огуречного рассола. Руки майора жадно ухватили сосуд с небесным нектаром, как ему тогда казалось, и не выпускали ее до тех пор, пока в ней не осталось и капли влаги. Все это время, его молодая жена сидела рядом и, всячески жалея своего «бестолкового вояку», как она сама любила иногда говорить, гладила его по спине и всячески утешала.

– Бедный ты мой... Ну вот скажи, зачем надо было так напиваться вчера, а? – со слезами на глазах вопрошала супруга своего майора.

– Ника, ну а как же иначе? Иначе не примут, уважать не будут. Ты же знаешь наше сословие, без этого у нас никак, к сожалению, – как мог, оправдывался Сивушов.

– Ладно, жертва обстоятельств ты моя, – ласково проговорила Никанора. – Дуй в душ и потом на кухню, я тебя жду с завтраком.

Что бы ни говорили, а организм молодого здорового человека, а тем более военного, справлялся с последствиями алкоголя почти легко и непринужденно. Уже через полчаса водных процедур, посвежевший Степан явился на кухню, являвшую собой законный, почти военный, полигон своей ненаглядной жены, и был закормлен своей благоверной до отвала. Выпив напоследок таблеточку «Анальгина», он горячо поцеловал свою жену и со спокойной душой отправился на работу. Опоздать майор не боялся. Понимая всю ситуацию, еще вчера его непосредственный начальник, генерал-полковник Ермолов, дал Сивушову полный «карт-бланш» на сегодняшний день, позволив явиться на место работы тогда, когда позволит состояние здоровья новоприбывшего вояки.

Город, в который прибыл со своей женой майор, мало чем отличался от сотен других советских городов. Правда, по размеру, город был довольно-таки большой, но проживало в нем пока только человек пятьсот, не более, и этот факт очень занимал Сивушова. Правда, эта загадка, если можно было так выразиться, решилась очень быстро. Оказывается, в этот населенный пункт люди начали съезжаться только около двух месяцев назад, а до этого тут хозяйничали военные: стройбаты, военные инженеры и другие строители социализма по-военному.

Майор, все еще немного страдавший от ноющей головной боли, быстрым шагом шел к своему месту службы, изредка бросая взгляды на пустые и полупустые пятиэтажки, которые, не смотря на свой «свежий» вид, все-таки наводили немного жути черными зевами своих больших окон и бесконечным молчанием пустых помещений. Сивушов буквально физически ощущал на себе взгляд этих домов. Их немой укор. Их боль от одиночества...

Мотнув головой, Степан постарался отогнать от себя эти мысли и еще больше ускорил шаг. За десять минут он достиг центра города. Огромная площадь встретила его легким скрипом каруселей, детским смехом и запахом весны. Майор невольно остановился, и с удовольствием вдохнув свежий воздух, неспешно обвел площадь взглядом. Деревья, большим живым кругом отгородили площадь от остального города и уже уверенно одевались молодыми листочками. Неподалеку от детской площадки, расположившейся на северном крае площади, стоял небольшой киоск, в котором продавали лимонад и мороженое. А все остальное пространство площади занимали аккуратно подстриженные кустарники, причудливым рисунком украшавшие центр города. Пройдя еще шагов тридцать, Сивушов остановился перед скучавшим от безделья милиционером, как бы невзначай вставшим на пути майора. Степан Никифорович быстро достал из нагрудного кармана удостоверение и продемонстрировал его слуге закона. Тот молча кивнул и отошел в сторону. Перед майором, в пяти шагах, обнаружились ступеньки, спускавшиеся вниз и исчезающие в темноте бетонного подземелья.

– Будьте осторожны, там в некоторых местах темновато, – искренне посоветовал майору милиционер, видя нерешительность первого.

– Спасибо за совет, – кивнул майор и начал свой спуск во чрево советского секретного объекта. Через пять минут непрерывного спуска, коридор выровнялся и Сивушов еще минут пять шел по тоннелю, но теперь, слава богу, по прямой. В отличие от спуска, этот коридор был освещен отлично, что само собой разумеется. После пяти минут ходьбы, впереди показался небольшой канцелярский стол и восседавший за ним офицер, при ближайшем рассмотрении оказавшийся капитаном, усердно что-то писавшим. Оглядев приближавшегося неприязненно-подозрительным взглядом и предусмотрительно убрав руку под стол, капитан тщательно изучил документы Сивушова. Вернув удостоверение майору, офицер по спецтелефону связался со старшим и только после подтверждения личности Сивушова, позволил тому пройти дальше, минуя тяжеленную стальную дверь, красовавшуюся своей мощью за спиной у капитана. Что было за дверью, майор так и не узнал, ибо как только он сделал первый шаг в раскрытую дверь, ему тут же одели на голову мешок и вкрадчивым голосом объяснили, что таковы правила их «песочницы». Майор и не протестовал. Он был готов к чему-то такому. Проведя Сивушова по бункеру под белы ручки, его, словно барина, усадили на стул и только тогда сняли с головы мешок. Майор находился в маленьком кабинете, большую часть которого занимал о-о-огромный стол, за которым, с важностью самого Генерального Секретаря ЦК КПСС СССР, восседал небольшой плюгавенький человек, с полностью лысой башкой и огромными окулярами очков. Позади майора, подперли стенку двое таких же майоров, непринужденно-расслабленно наблюдая за конвоируемым.

– Степан Никифорович? Я рад нашей с Вами встрече! – совершенно по-детски воскликнул лысый, и, резво соскочив со своего стула, подбежал к майору и стал трясти его руку в рукопожатии, которое, как отметил Сивушов, было довольно-таки крепким.

– Я тоже, товарищ...

– Товарищ Головачев Сергей Денисович, – улыбнулся лысый, – но вы можете звать меня просто Сергеем. Я еще слишком молод для Денисовича.

– Буду иметь в виду, – тоже улыбнулся Сивушов.

– Мне про Вас рассказывали очень удивительные вещи! – продолжил разговор Головачев, возвращаясь на свое место, – Боевой офицер, ранение, орден и три медали за боевые действия в Афганистане.

– Чего тут удивительного? – нахмурился Степан Никифорович.

Он терпеть не мог, когда об его службе говорили в таком веселом тоне. Словно, Сивушов не воевал, а в бане с девками восемь месяцев просидел.

Впрочем, Головачев мгновенно уловил недовольство нового начальника охраны и, решив не разжигать вот так сразу «огонь» войны, поднял руки в примирительном жесте.

– Извините, извините! Я не хотел Вас обидеть. В общем, так, – решительно перешел к делу Головачев, – Хотя Ваш непосредственный начальник – генерал Ермолов, но на этом объекте все и всё подчиняется только одному человеку – мне. Попросту говоря – Вы мой со всеми потрохами.

После этой тирады майор Сивушов понял то, как сильно еще не умеет разбираться в людях. Этот лысый кроха – сам Дьявол в своей собственной Преисподней. И он, Степан Никифорович попал в очень нехорошую историю...

Объяснив майору его обязанности, главный инженерный профессор советского НИИ «ГенЭлектро» Головачев, с легким сердцем отпустил нового подопечного на свой пост. Но не успел Сивушов покинуть кабинет, как на пороге возник белобрысый великан, чисто выбритый, с добрыми-добрыми и умными глазами.

– Ой-ой-ой, Степан Никифорович, подождите секунду! – воскликнул Сергей Денисович, – Разрешите Вам представить такого же, как и Вы, новоиспеченного, так сказать, научного руководителя одной из наших новых лабораторий. Боровицкий Григорий Владимирович, профессор генетики и физики. Именно в его крыле нашего подземного дома Вы и будете нести свою службу.

Майор, задержавшись в дверях, с удивлением пожал на редкость крепкую и широкую ладонь молодого профессора.

– Приятно познакомиться, доктор, – совершенно искренне произнес майор. Профессор определенно нравился ему и сам Сивушов не знал почему.

– Мое почтение, товарищ майор, – широко улыбнулся Георгий Владимирович.

– Простите мне мое любопытство, – решился на вопрос Степан, – А, разве, генетика, как наука, не запрещена у нас в стране?

– Ну что Вы... – начал было отвечать блондинистый верзила, но его тут же оборвали.

– Григорий Владимирович, помилуйте! Вы еще и все секреты расскажите, что мы тут с Вами проводим.

Боровицкий осекся и отвел взгляд, а майор, по-филосовски пожав плечами, вышел из кабинета и пошел вглубь бункера на разведку.

Глава 8

На удивление, Сивушова не задержали в дверях, не стали снова напяливать на голову мешок и тащить незнамо куда. Впрочем, без наблюдения его тоже оставить не решились и, один из бывших конвоиров, по знаку все того же «дьявольского» профессора Головачева, оторвал плечо от стены и пошел вслед за новоиспеченным начальником. Протестовать Степан не стал. Смысл? Ему и правда, по чести будет сказано, пока без проводника никак. Новое место все-таки.

Поэтому Сивушов, немного расслабившись, неторопливо шагал по весьма широкому бетонному коридору, освещенному светодиодными лампами, расположенными по обе стороны почти под потолком. Свет, на удивление, хоть и был ослепительно белым, но глаза не резал, мягкими лучами заливая все пространство коридоров. Вокруг копошились люди, молодые лаборанты и лаборантки, все как на подбор в белых халатах и с донельзя умными лицами, бегали и сновали туда и сюда, наполняя бункер жизнью самого настоящего муравейника. Майор даже начал ощущать нечто вроде смущения, видя все эти сосредоточенные лица, пронесившиеся мимо по своим важным делам. Обернувшись к сопровождающему бойцу, майор спросил:

– Слушай, покажи мне мой новый кабинет.

– Да пошел ты на хрен, – цокнув языком, с отвращением прошипел конвоир.

Сивушов растерялся только на секунду. Почти мгновенно подскочив к нахалу, Степан Никифорович вживил в нового подчиненного страсть к субординации сильным ударом коленом в пах. Сжав левой рукой рот несчастного, дабы никто не услышал лишних звуков, правой майор поддержал скрючившегося от сильной боли, и норовившего осесть на пол бойца и тихонько прошептал тому на ухо:

– Слушай меня внимательно, гнида поганая, а заодно передай другим. Я теперь тут ваш царь и господь! Ясно? И эта крыса канцелярская в очках вас теперь не спасет! Поэтому будь паинькой и покажи старшему по званию его кабинет. Ты меня хорошо услышал, голубь?

С этими словами Сивушов отнял свою руку от лица пострадавшего солдата и, положив ее ему на горло, несильно впечатал головой в стену. Конвоир только оскалился и судорожно задышал, видимо, Степан сжал ему не только рот, но и нос в придачу.

– Не слышу ответа, боец! – понемногу раздражаясь, прошипел майор и «поиграл» большим пальцем с кадыком подчиненного.

– Хр-р-р... понял – понял... хр-р-р... – отчаянно захрипел наглец.

– Вот и ладушки, – отпустил свою жертву Сивушов и огляделся по сторонам. На удивление, как оказалось, никто ничего не заметил. Только в двадцати метрах от них, Степан заметил девушку, которая стояла как вкопанная, прижимая к груди какую-то папку, и не отрывала от него испуганного взгляда. Сивушов поднял руку и поднес указательный палец к губам. Девчушка быстро закивала и скрылась за ближайшим поворотом коридора. Облегченно вздохнув, майор обратился к скрючившемуся рядом парню:

– Чего встал? Приказа не слышал?

Боец кое-как воздел себя на ноги, не переставая проверять правой рукой горло, а левой держась за стену.

– Слышал, товарищ майор! – хрипло выдавил он, кривясь от боли в горле.

– Ну, вот и ладушки! – весело прощелбетал Сивушов и похлопал парня по плечу, – Веди на место дислокации, бравый чекист!

«Бравый чекист» провел своего нового начальника без остановок до кабинета, где и надлежало нести службу новому начальнику охраны. Поблагодарив за все, Сивушов отпустил

бойца дальше нести службу, благо хорошая память Степана впитала весь путь до помещения в себя и теперь он способен найти свой кабинет без чьей либо помощи. Толкнув дверь, майор зашел в помещение. Окинув его взглядом, Сивушов присвистнул. «Хех, спартанцы, блин» – усмешкой пронеслось в его голове. Кабинет блистал всей скромностью и смирностью простого советского кабинета советского же офицера. Два стула, стол, небольшой сейф на высоких ножках, телефон, настольная лампа и... все.

– Мда-а-а... Дела-а-а... – протянул Сивушов и тут же вздрогнул, от раздавшегося пронзительного звонка телефона.

Недоверчиво косясь на аппарат, Степан все же подошел к нему и снял трубку.

– Да?

– Здорова, майор, – донесся из трубки немолодой голос начальника Сивушова, генерала Ермолова.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – автоматически вытянувшись по стойке «Смирно!», ответил Степан.

– Слушай, Стёпа, мне тут донесли, – неторопливо проговорил Ермолов, – что ты на объекте своих же новых подчиненных лупишь по чем зря. Как объяснишь такое?

«Ничего себе скорость!» – пронеслось в голове Сивушова, – «Это ж и пяти минут еще не прошло». Немного поперхнувшись, майор постарался выдержать марку и не колеблясь ни секунды, проговорил в трубку:

– Отсутствием субординации у служащих, товарищ генерал, – четко произнося каждое слово, выдал майор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.